
МЕТАФОРЫ РОДСТВА КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «ДУША» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

О.Н. Кондратьева

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043

В статье рассматривается специфика метафор родства и их роль в концептуализации души. Делается вывод, что с помощью подобных метафор может быть представлена духовная близость, эмоциональная и религиозная жизнь человека. Продуктивность данных метафор определяется особенностями русской лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультура, концептуальная метафора, концепт, родство, душа.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания является лингвокультурология, сформировавшаяся в результате интегрирования лингвистики со смежными дисциплинами — культурологией, этнологией и этнографией (см. работы Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, В.Н. Телии, А.Т. Хроленко, В.М. Шаклеина и др.) Основной задачей лингвокультурологии является анализ языковых явлений, раскрывающих национально-культурную специфику образа мира того или иного народа, т.е. анализ особенностей его лингвокультуры.

Для русской лингвокультуры с ее идеей соборности всегда были особенно значимы идеи душевного родства, близости по духу, духовного братства. Семантическая сфера «родство» использовалась при концептуализации различных сфер действительности [1; 3; 6]. Как отмечает Л.В. Балашова, «СП родственных связей стабильно функционирует в составе метафорического поля на протяжении всего исторического периода развития русского языка с XI по XX вв.» [1. С. 311]. Существенное значение данная метафорическая система имела и при концептуализации внутреннего мира человека, его души.

Статья посвящена описанию метафорики родства в репрезентации концепта «душа» в русской лингвокультуре XVIII—XX вв. Названный концепт входит в группу ключевых, являющихся «константами не только русской национальной культуры, но и вершиной, средоточием духовного состояния русского человека, определяющего всю его земную жизнь» [7. С. 114]. В процессе исследования нами была использована разработанная А.П. Чудиновым методика метафорического анализа, включающая характеристику сферы-источника (родство) и сферы-мишени (душа), выявление относящихся к данной модели фреймов и слотов, определение компонентов, которые связывают первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [6. С. 45].

При анализе языкового материала нами были выделены следующие фреймы, входящие в исследуемую метафорическую модель: «родство», «родство по крови», «родство по супружеству».

I. Фрейм «Родство». Родство — это связь между людьми, основанная на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, а также на брачных отношениях. Достаточно рано данная лексема развивает переносные значения. По наблюдениям В.В. Колесова, «наличие родственных связей переосмысливается как наличие определенных связей между людьми вообще: это близость в идеологическом, духовном плане» [2. С. 40—42].

1. Слот «собственно родство». 'Родство' душ является как раз показателем духовной близости индивидов, не связанных между собой кровным родством:

Симпатия значит родство душ; так что, если расторгнуть эти две души, между которыми существует симпатия, то жизнь их будет неполна (А.Ф. Писемский. «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына»);

Душ родства! О, луч небесный! (Ф.И. Тютчев. «Песнь Радости»);

Весьма подозрительная была тут *гармония*, подозрительное *родство душ* (А. Мариенгоф. «Это вам, потомки!»);

профессор, *по родству души своей со студентами*, отгадывает их желания и проч. и проч. (В.В. Крестовский. «Панургово стадо»).

'Родство' душ связано с общностью интересов, вкусов, пристрастий:

Подружиться нам было нетрудно: мы почувствовали какое-то *родство душ*, у нас *оказались схожие интересы* и — более того — нашлись даже общие знакомые (Ю. Сенкевич. «Путешествие длиною в жизнь»);

По интересам, по родству души, либо еще почему-то, но мы сами себе выбираем тех, с кем дружим, а они выбирают нас (М. Магомаев. «Любовь моя — мелодия»);

Гуляя там, смакуя новинки, обнаружили *родство душ не только в отношении автомобилей, но и в музыке* (Ю. Башмет. «Вокзал мечты»).

Человек нуждается в кровных родственниках, в их поддержке и участии, ему необходима и родная, близкая душа:

Теперь уже для него сделалось *неодолимой потребностью* родное, теплое сочувствие, близкая, *родная душа*, с которой он мог бы отдохнуть и приютиться под ее любящей сенью, уйти, укрыться в нее от своего одиночества и сурового холода жизни (В.В. Крестовский. «Петербургские трущобы»);

Стремлюсь к тебе и радуюсь, и жду: *Душа обнимет родственную душу*, В твоих чертах любимых я найду, — Как разрешишь ты все земные узы, — Черты моей богини — вечной Музы (Д.С. Мережковский. «Старинные»);

А я обрадовался — все *родная душа встретила*... (В.К. Кетлинская. «Мужество»);

Перед назревающей мировой войной Сталин *лихорадочно ищет родственную душу*, вернее, близкую биоструктуру, и находит ее, естественно, в Гитлере. (В. Аксенов. «Остров Крым»);

Родная душа, хоть и человек другой породы (Г. Щербакова. «Год Алень»).

2. Слот «вступление в родство». Не связанные кровным родством люди могут вступить в родство, породниться. Лексемы «породниться», «сродниться» развивают переносные значения, например: 'вступить в родство

с кем-либо' и переносное 'стать близкими друг другу по каким-л. качествам, свойствам' [4]:

Прочь вражда с земного круга! *Породнись душа с душой!* Жертвой мести — купим друга, Пурпур — вретница ценой (Ф.И. Тютчев. «Песнь Радости»);

С тех пор, *с той минуты наши души породнились* (Ш. Шалит. «Возвращение блудного сына (Леонид Осипович Пастернак)»).

Человек стремится сродниться с душой близкого ему человека, с любимой:

Суждено опять судьбою злою Нам розно дни влачить; Меж тем *моя душа сроднилась уж с тобою* — Ей нужно так любить! (А.Н. Майков. «Полонский! суждено опять судьбою злою...»);

О, если можешь *ты, сроднясь с моей душою*, Минуту счастья послать ей хоть одну... (А.Н. Апухтин. «Падающей звезде»);

Нет имени для ней, Но знаю я, что нежно и глубоко *Она с душой сроднилась моей* (И.А. Бунин. «К побережью моря длинная аллея...»).

Пребывание в определенном состоянии (тоске, мечтательной задумчивости, ленивой неподвижности, любовании природой) также может описываться метафорой вступления в родственные отношения, демонстрируя тем самым созвучность этих состояний человеку, его душе:

Моя тоска живет со мною, Я ей ни с кем делиться не могла: *Она сроднилась с душою*, Она лишь мне одной мила» (С.П. Шевырев. «Цыганка»);

Душа сроднилась с мечтою; Она надеждою благою Печали озаряла дни (Д.В. Веневитинов. «Поэт и друг»);

Давно с моей душой сроднилась эта лень, Как ветер с осенью угрюмой и унылой (Л.А. Мей. «Секстина»);

Все красоты волшебная природа Роскошной здесь рассыпала рукой; Здесь я нашел тебя, моя свобода, И вновь *душа сроднилась* с тишиной! (Н.М. Сатин. «Все красоты волшебная природа...»).

Таким образом, именно 'родство' душ в русской лингвокультуре зачастую оказывается более тесным, более значимым, чем биологическое родство.

II. Фрейм «родство по крови»

1. Слот «родители и дети». В рамках данного слота душа метафорически предстает в роли 'родителя', дорожащего своим 'ребенком'. Метафоризации подвергаются лексемы «чадо», «дитя», «первенец».

Именованье близких людей *детьми, чадами* души встречается уже в XVIII в. При этом подобным образом именуются не только родные дети:

Будьте почтительны, о *чада души моей*, к вашим родным, и ко всякому человеку, кто вас летами старее, и снисходительны к тем, кто вас моложе (А.Н. Радищев. «Завещание детям»),

но и те, кто дорог автору, друзья:

О друзья мои возлюбленные, о чада души моей! (А.Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»).

Особо следует отметить в этом отношении лексему «первенец». Если ребенок сам по себе дорог своим родителям, то отношение к первому ребенку в семье, к наследнику, было особенным. Использование метафоры «первенец души» указывает на высокую значимость характеризуемого объекта. Зачастую подобным образом именуются духовные ученики: он давал ученику самые нежные названия:

«дражайший мой», «*первенец души моей*», «возлюбленный сын мой», и посмеивался над его царственным происхождением (Д.С. Мережковский. «Смерть богов. Юлиан Отступник»).

Для литературы русского сентиментализма, с его культом эмоциональной жизни, характерно именование «первенцами души» переживаний человека, проявляющихся в слезах и улыбке:

Где я Природу полюбил, *Ей первенцы души и сердца* — Слезу, улыбку — посвятил (Н.М. Карамзин. «Волга»).

В литературе XIX века в качестве *детей* души предстают результаты интеллектуальной деятельности — мысли, думы:

Чадо ума и души — *твоя мысль* пронесется к потомкам... (А.Н. Майков. «На могиле»);

Вам, *дети тайные души моей свободной*, Вам, *думы гордые*, здесь глас мой жизнь давал (Н.И. Гнедич. «Приютино»).

2. Слот «сиротство». Отдельного внимания заслуживает также метафоризация лексемы «сирота» и ее производных:

Как храм без жертв и без богов, *Душа угрюмо сиротеет*; Над нею время тяготеет С суровым опытом годов (М.Л. Михайлов. «Как храм без жертв и без богов...»);

Отдайся ей *душою сирой*, Узнай ее: она как мать Тебя готова приласкать (А.Н. Майков. «Н.А. Некрасову»).

Сирота — это ребенок, оставшийся без одного или обоих родителей. *Осиротевшая* душа метафорически обозначает человека одинокого, которому не хватает заботы и внимания близких и окружающих:

То он — нелюбимый, отверженный сын, обвиняемый в преступлении тюремный арестант, бездомник голодный, вор от голоду; то вдруг льется на него щедрый поток отцовской ласки, той ласки, которой столь долго алкала его *сиротствовавшая душа*, но о которой он и мечтать-то не осмеливался, а теперь она есть, и вся безраздельно принадлежит ему (В.В. Крестовский. «Петербургские трущобы»);

В сиротствующей одинокой душе молодого человека была слишком сильна и велика потребность в отцовской или материнской ласке и добром слове, которых он не знал с самой минуты своего появления на свет божий... (В.В. Крестовский. «Петербургские трущобы»).

Также метафора «осиротевшая душа» используется для характеристики эмоционального состояния человека, потерявшего близких (не обязательно кровных родственников):

Все по тебе, мой друг, тоскою я томим; И часто, *загрустив душой осиротелой*, Зову тебя: где ты? (А.М. Жемчужников. «Пусть время скорбь мою смягчить уже успело...»);

Товарищи, друзья, земляки, братья мои! — с непривычной патетикой начал Спартак. — Осиротели наши семьи, *осиротели наши души*, осиротела вся наша Глухомань. Хитрый и коварный враг из засады, подло и трусливо расстрелял лучших сынов нашего города... (Б. Васильев. «Глухомань»);

Опять душа осиротела. В который раз! *Того, кто жизнь счастливой делал, Уж нет средь нас* (Л. Некрасовская. «Опять душа осиротела»);

И будто бы душа осиротела, В слезах навек *простившись у порога С тем, кто переступил черту предела Земного в неземное царство Бога* (О. Лемминг. «И будто бы душа осиротела»).

Также подобные метафоры используются для обозначения одиночества, тяжелого эмоционального состояния человека, находящегося в разлуке с любимой или любимым:

Я бросил край наш опустелый; *Один, в отчаяньи, в слезах, Блуждал, с душой осиротелой*, В далеких дебрях и лесах (И.И. Козлов. «Чернец»);

И долго ль в мрачности ночной: *Мне с думой горестной, с душой осиротелой* Бродить вокруг обители твоей, Угадывать окно, где ты томишься в ней (Д.В. Давыдов. «Элегия II»);

Осиротела без тебя душа, лишь день прошел, а кажется — эпоха ...Хочу придти, не слышно, чуть дыша, Спросить: «Как без меня?» Услышать — «Плохо!» (Т.В. Петрова. «Осиротела без тебя душа»).

3. Слот «братья и сестры». Уже в Библии «на простейшем метафорическом уровне образ брата (иногда сестры) подразумевает сходство [5. С. 113]. Метафорическое употребление лексем «брат», «сестра», «близнецы» основано на идее близости людей, рожденных от одних родителей. Подобная близость душ является показателем их одинаковой природы, одинаковых стремлений:

Моя душа не узнавала твоей, хотя и светло ей было *возле своей прекрасной сестры* (Ф.М. Достоевский. «Неточка Незванова»);

Дельвиг, теперь ты меня — В час, когда тяготееет на мне рука беспредельной печали, С мрачным, с глухим бытием, с грозной судьбой не миришь — *Брат души моя!* (В.К. Кюхельбекер. «Элегия»).

Абсолютная идентичность душ реализуется посредством метафоры близнецов:

В поэзии, в музыке оба Мы ищем отрады живой; *Душой близнецы мы...* (Е.П. Ростопчина. «На прощанье...»).

Душевное братство — это отражение общих религиозных ценностей и мировоззрения:

Брат мой по плоти преставился; *братом он был по душе мне!* (А.К. Толстой. «Иоанн Дамаскин»);

Мы не знаем друг друга, но уже вперед *делаемся братьями по душе* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. «Черты из жизни Пепко»),

а метафора ‘сестра души’ используется преимущественно для репрезентации эмоциональных отношений, для обозначения любимой женщины:

Пойдем гулять в лесу зеленом, Пойдем, *сестра души моей*. Пойдем, о ты, мой друг единый, Любовь последняя моя... (И.С. Тургенев. «К ***»);

И никто нас не услышит, О сестра души моей! Завернись в свой плащ атласный
И в аллею выходи (А.Н. Плещеев. «Гидальго»);

Для отдыха от бурь и тяжких испытаний, Для долгих вечеров наедине с собой
Я не сберег в ряду моих воспоминаний, Сестра души моей, твой образ дорогой...
(С.Я. Надсон. «Для отдыха от бурь и тяжких испытаний...»).

III. Фрейм «родство по супружеству». В формировании данной метафорической подсистемы велика роль Священного Писания.

1. Слот «жених и невеста». Образы «жениха, невесты и свадьбы служат в Библии богатым источником для создания метафорических картин» [5. С. 678]. Именно в Священном Писании формируется образ Бога как любящего жениха, жениха душ человеческих (см., например, притчу о безрассудных девах). Подобная традиция сохраняется в религиозном дискурсе XVIII—XX вв.:

Ночь есть время века сего; сон есть наша жизнь; свеча горящая в ночи есть вера; масло добродетель; жених Христос; невеста девица душа; брак есть вечное блаженство... (арх. Платон (Левшин).

«Слово в неделю первую Великаго Поста»; Называется Дух обручения, яко души непорочныя соединяет с Богом в един священный нежныя горячности союз, яко невесту с женихом своим (арх. Платон (Левшин).

«Слово в неделю пятидесятницы»); души их соделываются невестами небесного Жениха и украшаются всеми добродетелями (еп. Игнатий (Брянчанинов). «Отечник»);

Не дадим телу насыщения, чтоб страсти, свойственные ему, не предъявили своих требований, чтоб тело покорилось душе, а душа покорилась уму и соделалась невестою непорочною (еп. Игнатий (Брянчанинов). «Отечник»).

В поэтическом дискурсе отмечены аналогичные метафоры, в которых душа выступает в качестве невесты Христа:

Готовьте Вышнему путь правды и святыни! Жених словесных душ! ко другу Жениха, Крещения прося не ведущий греха, Вид рабский восприяв, Господь всея природы! (С.А. Ширинский-Шихматов. «На крещение Господне»);

Душа в оковах тела И смерти, и греха, Ты Господа презрела, Отвергла Жениха (Д.С. Мережковский. «Христос, ангелы и душа»).

2. Слот «вступление в брак, обручение». В библейском понимании брак — это союз на всю жизнь, неразрывное слияние в одно целое. Именно эти признаки реализуются в брачных метафорах. Данный слот является логичным продолжением предыдущего, но акцент делается на самом процессе соединения душ, их вступлении в духовный союз, обручении. Душа человека неразрывно соединяется с Богом, тем самым обретая жизнь вечную:

Якоже оный союз, которым праведнаго душа обручается Богу, и по силе сего обручения входит в чертог небесный (арх. Платон (Левшин).

«Слово на радостнейшее бракосочетание Их Императорских Высочеств»); таковые люди и сей храм делают не токмо святилищем, но и чертогом царским: ибо в нем совершается таинственное души их с Богом обручение. (арх. Платон (Левшин). «Слово на освящение храма»);

Преподал им залог веры, раскрыл пред ними божественное достоинство *Жениха небесного*, богатство славы Его и *вечное блаженство души, обручившихся Ему*; а от них взял обещание, что *они пребудут верны Ему* (Митрополит Антоний (Блюм). «Слово в день памяти святой великомученицы Екатерины»).

3. Слот «супруги». Метафоры, связанные с представлением любящих душ как ‘супругов’ в изученном материале лишены религиозной окраски. Подобным образом акцентируется внимание на неразрывных связях, соединяющих любящих людей и их души:

Сладчайшие слова: *души моей супруг* — Опять из уст твоих я в сердце принимаю! (Н.М. Карамзин. «К верной»);

И говорит: «найду ли друга? *Где ты, души моей супруга?* Увижу ль я твой светлый взор? (А.С. Пушкин. «Руслан и Людмила»);

Но что же делает она, *Души его супруга?* (Н.М. Языков. «Романс»);

Так, верно, верно: ты несчастна; *Твоей души супруг прекрасный* Так скоро откался жить (А.В. Кольцов. «Послание молодой вдове»).

В результате проведенного исследования можно отметить, что метафоры, возникающие в рамках смыслового поля «родство», являются значимыми при концептуализации внутреннего мира человека в русской лингвокультуре. Названные метафоры представлены в текстах тремя фреймами — «родство», «родство по крови», «родство по супружеству», каждый из которых включает в свой состав отдельные слоты и реализует значительное количество метафорических переносов. Как известно, детальная структурированность является показателем высокой значимости сферы-источника для определенного этноса. Сфера родства, семейных отношений являлась одной из наиболее значимых для русского народа, что и обусловило ее высокую продуктивность при концептуализации одной из главных констант русской лингвокультуры — души.

При концептуализации души задействованы представления о некоей прототипической идеальной системе родственных отношений, где есть любящие друг друга родители и дети, существуют прочные связи между всеми родственниками, и не задействованы такие отклонения от нормы, как *развод, вдовство, мачеха, отчим* и т.д. Следовательно, метафора родства применительно к внутреннему миру человека реализует исключительно положительные прагматические смыслы, реализуя модусы тесной душевной связи, близости и соборности, столь значимые для русской лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Балашова Л.В.* Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI—XX веков): Дисс. ... докт. филол. наук. — Саратов, 1999.
- [2] *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986.
- [3] *Лютянская М.М.* Языковая реализация концептосферы «Родственные отношения» в английской языковой картине мира новоанглийского периода: Дисс. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009.

- [4] Новый словарь русского языка / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. — URL: <http://www.u Brus.org/dictionary-units/?id=111434>
- [5] Словарь библейских образов / Под ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. — СПб.: Библия для всех, 2008.
- [6] *Чудинов А.П.* Метафора родства // Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001.
- [7] *Шаклеин В.М.* Понятия *душа*, *дух*, *духовность* в современном лингвокультурном универсуме // Культура народов Причерноморья. — Симферополь: ТНУ им. В.И. Вернадского, 2004. — С. 114—117.

METAPHORS OF KINSHIP IN REPRESENTING THE CONCEPT «SOUL» IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

O.N. Kondratyeva

The chair of general linguistics and Slavic languages
Kemerovo State University
Krasnaya str., 6, Kemerovo, Russia, 650043

The specific features of kinship metaphors and their role in characterizing the concept “soul” are considered in the article. The author concludes that these metaphors can represent spiritual affinity, emotional and religious life of a person. The productivity of such metaphors is stipulated by the peculiarities of Russian linguistic culture.

Key words: linguistic culture, conceptual metaphor, concept, kinship, soul.